

ЦЕНзуРА КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ САМОДЕРЖАВНОЙ РОССИИ

ENSORSHIP AS A PART OF THE POLITICAL SYSTEM OF AUTOPOWERFUL RUSSIA

*I. Bondar
M. Darendorf
T. Vlasova*

Summary: The relevance of the article is due to the fact that the development of mankind is accompanied by the creation of a global world communication space and the formation of a new worldview of people, which is actively influenced by various flows of information, including those distributed by the press. In this regard, the issues of free access to sources of information are of particular importance from the point of view of the criteria for the democratic development of society.

Keywords: censorship authorities, state, reform, newspaper.

Бондарь Ирина Алексеевна

*Д.и.н., профессор, Филиал Ставропольского
государственного педагогического института
в г. Ессентуки
sloikin89@rambler.ru*

Дарендорф Марианна Викторовна

*К.и.н., доцент, Филиал Ставропольского
государственного педагогического института
в г. Ессентуки
mvd.works@mail.ru*

Власова Татьяна Алексеевна

*К.и.н., доцент, Филиал Ставропольского
государственного педагогического института
в г. Ессентуки
tata.vlasova007@yandex.ru*

Аннотация: Актуальность статьи обусловлена тем обстоятельством, что развитие человечества сопровождается созданием глобального мирового коммуникационного пространства и формированием нового мировоззрения людей, на которое активно влияют различные потоки информации, в том числе распространяемые прессой. В связи с этим вопросы свободного доступа к источникам информации приобретают особую значимость с точки зрения критериев демократического развития общества.

Ключевые слова: цензурные органы, государство, реформа, газета.

Истоки российской цензуры обнаруживаются еще в историко-правовых актах средневекового периода, а в качестве института государственного контроля над печатным словом она появилась в конце XVIII столетия. В дальнейшем деятельность цензурных органов и вошедших в историю цензоров была зеркальным отражением установившейся в Империи государственного правления и общественного сознания. Это полностью относится и к выделенному периоду. Существовавшая долгие годы царская цензура имела свои юридические и правовые основы, нашедшие отражение в уставах о печати и цензуре. Российская военная цензура использовала весь арсенал своих возможностей и технологий и имела всеобъемлющий характер, несмотря на то, что ее деятельность фактически ограничивалась периодами войн и военных конфликтов. Тем не менее она являлась важнейшей частью политической системы самодержавной России, представляла собой более широкое понятие, чем цензура как таковая и ее традиционные разновидности. Именно на этом основании военная цензура включала в себя не только деятельность по сохранению военной тайны, но и распространялась на публикации политического характера, а также на издания, посредством которых формировалось общественное мнение.

Иначе обстояли дела с периодическими изданиями. О качестве публикуемых материалов заботились сами издатели. В это время важное место на страницах первых российских газет и журналов отводилось военным новостям, многие из них заимствовались из иностранной периодической печати. Со временем они стали перерабатываться в редакциях, дополняться мыслями и выводами самих издателей. Практиковались также аналитические обзоры зарубежных публикаций за какой-то определенный период. Постепенно у читателей формировалось полное представление о том, что происходило на фронте и, соответственно, общественное мнение о наиболее значимых событиях. При этом они нередко оставляли без внимания те сообщения, которые, по их мнению, не были достойны читательского интереса. Отвечая на поступавшие претензии по этому поводу, редактор «Русского инвалида» не скрывал, что некоторые новости из-за рубежа замалчиваются, «дабы неиспорченным душам не вселить слишком низкого мнения о человечестве». Кроме того, по его словам, часть зарубежных сообщений содержала «много истинного, только жаль, что правда в них неинтересна, а интересное неправда!» [1].

Вопрос в том, что издатели газет сами оценивали ак-

туальность и значимость поступавшей информации, отсеивая ту, которая, на их взгляд, не была достоверной. По этому поводу редактор «Русского инвалида» отмечал, в частности, что «в иностранных ведомостях содержатся еще некоторые другие, с употребленным весьма кстати словом «говорят». Но все сии «говорят» такого рода, что об них и говорить нечего» [2].

В 1815 году о деятельности «Русского инвалида» стало известно императору Александру I, который в своем рескрипте Правительствующему сенату указал на необходимость продолжать издание газеты «под наименованием «Русский инвалид» или военная ведомости». Император распорядился также печатать в издании приказы и «другия военная известия» [3]. Внимание и высокая оценка деятельности газеты императором коренным образом изменили дальнейшую судьбу «Русского инвалида». С конца 1815 года он уже не являлся частным изданием, а получил статус правительственной газеты с ежедневным тиражом. Печаталась газета с этих пор в военной типографии, она не подлежала какой-либо дополнительной цензуре.

В 1816 году на должность Министра народного просвещения император назначил князя А.Н. Голицына, первым распоряжением которого стало решение образовать наделенный цензурными функциями Ученый комитет, контролировавший учебную литературу, рассчитанную главным образом на молодое поколение, и дававший отзывы на новые книги, издаваемые для учебных заведений, и представлявший мнение о них [4]. Ученый комитет установил полный контроль над учебной литературой вузов. В записке А.Н. Голицына, обосновывающей объединение духовных дел и просвещения в одно ведомство, говорилось, что «разрушительный дух последнего столетия распространил вредную мысль о непримиримой вражде, долженствующей существовать между религией и наукой. За сию пагубную мечту Европа заплатила реками крови и слез». Там же содержался призыв «освятить науки духом религии и вместе вооружить религию всеми пособиями наук, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения» [5].

В 1817 году последовало указание цензурным комитетам, по которому они не должны были пропускать «ничего, относящегося до правительства, не спросив прежде согласия от того министерства, о предмете которого в книжке рассуждается». Еще через год цензоры получили новое предписание: обо всем, что касается правительства, журналы, газеты, литераторы могут писать с санкции самого правительства. Цензурная политика власти вела к усилению всех видов цензуры, в первую очередь, духовной.

Попытки открытого сопротивления Голицыну понача-

лу жестко пресекались. Так, попал в опалу ректор Петербургской семинарии архимандрит Иннокентий (Смирнов). В 1818 году он пропустил через духовную цензуру книгу писателя-«архаиста», принадлежавшего к кругу А.С. Шишкова, Е. Станкевича «Беседа на гробе младенца о бессмертии души», направленную против мистической доктрины «внутренней церкви» [6]. В ответ Голицын подал доклад императору о необходимости конфискации книги и высылки ее автора из столицы.

В рамках Академии наук, которую в 1818 году возглавил граф С.С. Уваров, активно действовало управление цензуры. Свои усилия оно направляло главным образом на журналистику и периодические издания, хотя и другие виды печатной продукции не упускались из виду. В этот период под пристальное внимание цензоров вновь попала французская литература, пользовавшаяся популярностью среди российской интеллигенции. С.С. Уваров лично требовал более строгого отношения к французским книгам, особенно «в отношении их нравственного содержания», «господствующего духа и намерения авторов». По его указанию не допускались к переводу произведения, которые производили «вредное впечатление на читателей». Исследователи отмечают, что «С.С. Уваров в первую очередь стал строго преследовать «политические и социальные тенденции как в журналах, так и в отдельных произведениях литературы, оригинальной и переводной». Подтверждением являются данные о запрещении при его активном участии ряда популярных изданий, в частности журналов «Московский телеграф» и «Телескоп» [7].

После образования Министерства духовных дел и народного просвещения на повестку дня был поставлен вопрос о новом цензурном уставе, преобразовании цензуры вообще. В июне 1820 года для разработки такого устава был создан комитет из членов Главного правления училищ: князя В.П. Мещерского и М.Л. Магницкого, членов Ученого комитета: Д.П. Рунича, И.С. Лавалья, Н.И. Фуса. Сначала был подготовлен «Проект мнения о цензуре вообще и началах, на которых предполагает цензурный комитет составить для оной устав» [8].

В середине 1824 года Министром духовных дел и народного просвещения был назначен адмирал А.С. Шишков, писатель, администратор и академик президиума Российской Академии. На первом же заседании Главного правления училищ он изложил свои идеи о просвещении народа, цензуре и ее задачах. Десять дней спустя новый министр представил доклад об искоренении тайной крамолы путем ужесточения цензуры, в целом одобренный императором. На одном из первых заседаний Главного правления училищ А.С. Шишков сказал, что министерство должно, прежде всего, оберегать юношество от заразы «лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлой гордостью и пагубным самолюбием».

ем, вовлекающим человека в опасное заблуждение думать, что он в юности старик, и через то делающим его в старости юношей». Он считал, что «науки, изощряющие ум, не составят без веры и без нравственности благоденствия народного... Сверх того, науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу одного количество людей принесло бы более вреда, чем пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином [9].

Министерство просвещения А.С. Шишков обвинял не

только в попустительстве, но даже «во всяком покровительстве и ободрении нравственного зла под названием духа времени». При нем была усилена цензура, для которой выработан крайне суровый устав. Он руководствовался принципом русского начала, сопровождаемым обвинениями противников в отсутствии патриотизма, преклонении перед иноземным и безверии.

Новый цензурный устав был принят 10 июня 1826 года уже при Николае I, именно он был положен в основу осуществляемой цензурной реформы. В противоположность цензурному уставу 1804 года он был крайне подробен (его объем был в пять раз больше) и состоял из 19 глав и 230 параграфов. Новый устав был пронизан стремлением регламентировать все возможные задачи цензуры и действия ее аппарата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский инвалид. 1815. – № 31.
2. Русский инвалид. 1814. – № 57.
3. Памяти основателя «Русского инвалида» // Военный сборник. – 1903. – № 2. – С. 110.
4. Бартев Ю.Н. Из записок Ю.Н. Бартева. Рассказы князя Александра Николаевича Голицына // Русский архив. – 1886. – Кн. 3. – Вып. 6. – С. 305-333.
5. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. В 4-х кн. Кн. 2: Становление системы университетского образования в России. – М., 1999. – С. 70-71.
6. Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. – СПб., 2005. – С. 165-193.
7. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учебное пособие. – М.: Аспект пресс, 2001. – С. 37.
8. Кондаков Ю.Е., Искюль С.Н. А.Н. Голицын // Три века С.-Петербурга. Энциклопедия. Т. 2. Кн. 2. – СПб., 2003. – С. 139-141.
9. Альтшуллер М.Г. Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Под ред. А.Ю. Минакова. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 19-92.

© Бондарь Ирина Алексеевна (sloikin89@rambler.ru), Дарендорф Марианна Викторовна (mvd.works@mail.ru),
Власова Татьяна Алексеевна (tata.vlasova007@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»